

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ВЕРИФИКАТИВА: ОБ ОДНОЙ АГУЛЬСКО-АРЧИНСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ¹

1. ВВЕДЕНИЕ

В грамматике арчинского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) А. Е. Кибрик приводит форму «узнавательно-целевого союзного деепричастия» на *-k:us*, которую он толкует следующим образом: «некто совершает главное действие с целью узнать, истинно ли второстепенное действие V», где V — лексическое значение глагола, см. Кибрик 1977: 291. Следующий пример из корпуса арчинских текстов дает представление об употреблении формы:

(1) «узнавательно-целевое» деепричастие в арчинском (корпус 1977)

χit:a telegram-mul u-w-li   danna-š   danna-k-u,   do-χo-r-k:us.

тогда телеграмма-PL   делать.PF-NPL-EVID   где-ELAT   где-LAT-и   2-найТИ-IPF.INTRG-VERIF

‘Разослали повсюду телеграммы: а вдруг удастся ее найти (букв. проверить, найдется ли она).’

Бросается в глаза изысканность значения, получающего в арчинском языке грамматическое выражение. Позднее в работе Майсак, Мерданова 2004 описана категория верификатива, или «проверятельного» наклонения, в другом лезгинском языке — агульском. В работе речь идет уже о целом семействе форм, своего рода актантной деривации с полной словоизменяющей парадигмой, но семантическая близость арчинской и агульской категорий не вызывает сомнения (на момент написания статьи об агульском верификативе ее авторы еще не знали о существовании этой параллели). В других языках лезгинской группы аналогичные формы обнаружены не были.

В настоящей статье мы предлагаем параллельный анализ конструкций в двух родственных, но географически изолированных друг от друга языках, а также ставим вопрос о связи в их генезисе — или об отсутствии таковой.

В разделе 2 дается характеристика верификатива в агульском языке. В разделе 3 показано, что анализ использования «узнавательно-целевых» форм в арчинских текстах, а также элиситация таких форм показывают, что сходство между арчинской и агульской категорией носит более глубокий и систематический характер, чем можно было предполагать, опираясь только на данные арчинской грамматики 1977 г. Как и в агульском, в арчинском языке существует целая парадигма форм, хотя только та единственная форма, которая описана в грамматике, реально встречается в текстах —

¹ Мы искренне признательны Д. С. Ганенкову, С. Н. Гасановой и С. Р. Мердановой за обсуждение агульских данных, а также Б. К. Мусаевой за консультации по арчинскому языку. Мы также очень обязаны М. Э. Чумакиной за плодотворные дискуссии на этапе первоначального сбора материала и за ряд собранных ею арчинских примеров.

в том числе и в текстах, собранных позднее ее написания — и является, вероятно, наиболее частотной. Наконец, в разделе 4 обсуждается типологическая уникальность этих двух случаев грамматикализации глагола ‘видеть’, к которому, по всей вероятности, восходят соответствующие показатели категории в обоих языках. Несмотря на это, при текущем состоянии знаний об истории языковых контактов в Дагестане нам приходится сделать неожиданный вывод о том, что в данном случае нет достаточных оснований высказывать предположение об исторической связи между этими формами.

2. ВЕРИФИКАТИВ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В начале 2000-х гг. в Москве начал работу семинар по изучению агульского языка — как и арчинский, этот язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи и распространен в Южном Дагестане (Агульский и Курахский районы, общее число носителей около 30 тыс. человек). Постоянными участниками семинара стали С. Р. Мерданова, Д. С. Ганенков и Т. А. Майсак; на начальном этапе руководил семинаром В. А. Плунгян. Основное внимание на семинаре уделялось говору села Хпюк — одного из самых южных сел агулоязычного ареала, примыкающих к области распространения лезгинского языка.

Среди любопытных грамматических явлений, обнаруженных в хпюкском говоре и ранее в литературе не упоминавшихся, была продуктивная серия глагольных форм, условно названных «проверятельными». Они были описаны в статье Майсак, Мерданова 2004. Эти формы содержат элемент *-čuk'*, происхождение которого не вполне очевидно, и выражают значение ‘проверять/выяснять, имеет ли место ситуация Р’; образуются «проверятельные» формы от любой глагольной лексемы. Ср. примеры «проверятельных» форм от связки *e* (2) и от стативного глагола *a* ‘быть, находиться внутри’ (3): в первом случае значение словоформы *ejčuk'* можно представить как ‘проверьте, (чьей) является (коса)’, а во втором значение словоформы *ačuk'aje* — как ‘проверяет, находится ли (мастер в селе)’².

- (2) верификатив от связки (с. Хпюк, корпус)

ta p.u-ne, me kuč na-n-f e-j-čuk' p.u-ne,
 возьми говорить.PF-AOR [DEMM коса кто-GEN-S COP-CVB]-VERIF(IMP) говорить.PF-AOR
žemižat-ar p.u-na...
 народ-PL говорить.PF-CVB

‘{Главный герой достает отрезанную им ночью у женщины-убийцы косу.} «Люди, посмотрите, чья это коса», — сказал он.’

- (3) верификатив от локативного глагола (с. Хпюк, корпус)

sa zargar a-j-čuk'.a-j-e mi, bat'ar zargar.
 [один ювелир {IN}быть-CVB]-VERIF.IPF-CVB-COP DEMM(ERG) красивый ювелир

‘Он выясняет, есть ли (в селе) золотых дел мастер, хороший златокузнец.’

² Здесь и далее в строке поморфемного разбора квадратными скобками обозначена клауза, находящаяся в сфере действия «верификативного» оператора, — то есть ситуация, наличие которой подлежит проверке. Примеры, которые приводятся в данном разделе, заимствованы как из статьи Майсак, Мерданова 2004, так и из Агульского текстового корпуса, записанного участниками Агульского семинара в ходе полевой работы начиная с 2004 года.

Для каждого глагольного корня существует не одна, а целое множество «проверятельных» форм. Во-первых, элементу *-čuk'*- предшествует не просто корень смыслового глагола, но производная от корня форма с определенным видо-временным значением, соответствующая одной из финитных форм. Так, форма *šun-* в примере (4) соотносится с аористом (перфективным прошедшим) *šune* 'ушел', форма *qajnaj-* в (5) — с перфектом/результативом *qajnaa* 'вернулся', форма *vaj-* в (6) — с презенсом *vaa* 'говорит', а форма *lik'ifej-* в (7) — с экспериентивным прошедшим *lik'ife* 'написал'.

- (4) верификатив от аориста (с. Хпюк, корпус)
q.uk:.u-na $\zeta^w.a-j-e$ *me-wur lif.ira-q,* *naj-č* *š.u-n-čuk'.a-s.*
 гнаться.PF-CVB ИДТИ.IPF-CVB-COP DEMM-PL голубь-POST [какой-LAT УХОДИТЬ.PF-AOR]-VERIF.IPF-INF
 'Они бегут за голубем, чтобы посмотреть, куда он полетел.'
- (5) верификатив от перфекта/результатива (с. Хпюк, элиситация)
gada.ji ruš qaj-naj-čuk'.u-ne.
 парень(ERG) [девушка возвращаться.PF-PRF]-VERIF.PF-AOR
 'Парень выяснил, вернулась ли девушка.'
- (6) верификатив от презенса (с. Хпюк, корпус)
ag^w.a-s-e, *p.u-naa me xir.a,*
 видеть.IPF-INF-COP говорить.PF-PRF DEMM женщина(ERG)
fi v.a-j-čuk'.a-s-e mi.
 [что говорить.IPF-CVB]-VERIF.IPF-INF-COP [DEMМ(ERG)]
 'Посмотрим, — подумала женщина, — что он скажет.'
- (7) верификатив от экспериентивного прошедшего (с. Хпюк, элиситация)
zun me k'ež na lik'.i-f-e-j-čuk'.a-a.
 я(ERG) [DEMМ письмо кто(ERG) писать.PF-S-COP-CVB]-VERIF.IPF-PRS
 'Я проверяю, кто писал это письмо.'

Смысловый компонент «проверятельной» формы может быть маркирован префиксальным отрицанием: ср. (8), где первая форма означает 'проверь, выучил ли', а вторая — 'проверь, не выучил ли' (точнее, 'проверь, имеет ли место ситуация «мальчик не выучил уроки»').

- (8) верификатив от утвердительной и отрицательной основы (с. Хпюк, элиситация)
gada.ji dars-ar ruž.u-naj-čuk', da-ruž.u-naj-čuk'.
 [парень(ERG) урок-PL учить.PF-PRF]-VERIF(IMP) [NEG-УЧИТЬ.PF-PRF]-VERIF(IMP)
 'Выясни, выучил мальчик уроки или не выучил.'

Во-вторых, при помощи элемента *-čuk'*- фактически образуется производная глагольная основа со значением 'проверять/выяснять, имеет ли место ситуация P'; от этой основы, как и от основы любого регулярного глагола, могут быть образованы различные формы глагольной парадигмы — потенциально, любая из таких форм. Так, выше в примерах (2) и (8) «проверятельная основа» на *-čuk'*- имеет форму императива, в (7) — презенса, в (3) — хабитуалиса настоящего времени (в функции «настоящего исторического»), в (6) — будущего времени, в (5) — аориста, а в (4) — нефинитную форму инфинитива в целевом зависимом. В действительности, широко употребительны лишь некоторые из потенциально возможных форм. Так, в корпусе хпюкских тек-

стов³ имеется 39 клауз с «проверятельной» формой; одна из них является полным повтором предыдущей клаузы, а еще одна приходится на фрагмент, с трудом поддающийся расшифровке, поэтому общее число употреблений можно принять за 37. В большинстве из них (24 клаузы) верификатив имеет форму инфинитива с целевым значением, в 7 случаях — форму императива, в 6 случаях — финитную форму презенса, хабиуталиса или будущего времени. Таким образом, наиболее распространенный контекст, в котором встречается «проверятельная» форма, — это целевая клауза, как в (4) или сходном арчинском примере (1). В шести корпусных примерах инфинитив, согласно распространенной в агульском модели построения целевого зависимого, сопровождается грамматикализованным показателем *puna* (исходно — перфективное деепричастие глагола ‘говорить’), ср. (9):

- (9) верификатив в форме инфинитива с показателем *puna* (с. Хпюк, корпус)

le zun fatx.i-f-e wun wuš.a-j-čuk'.a-s pu-na
 DEML я бросать.PF-S-COP [ТЫ братъ.IPF-CVB]-VERIF.IPF-INF говорить.PF-CVB
sa manat kam-di-j.
 один рубль недостаток-ADV-CVB

‘Это я бросил, чтобы посмотреть, возьмешь ли ты, если не будет хватать рубля...’

Возможно и отрицание «проверятельного» элемента, как в первой клаузе следующего примера — ‘не буду проверять, выучил ли’ (в данном случае, как и вообще у финитных форм, используется не префиксальное отрицание, а отрицательная форма вспомогательно-го глагола); во второй клаузе вершина имеет форму юссива («императива 3-го лица»).

- (10) верификатив в будущем времени и в юссиве (с. Хпюк, элиситация)

zun gi dars-ar ruχ.u-naj-čuk'.a-s-t:awa,
 я(ERG) [DEMG(ERG) урок-PL учить.PF-PRF]-VERIF.IPF-INF-COP.NEG
uč.i-n dad.a ruχ.u-naj-čuk'.u-raj.
 [SAM-GEN отец(ERG) учить.PF-PRF]-VERIF.PF-JUSS

‘Я не буду проверять, выучил ли он уроки, пусть его отец проверяет (выучил ли)!’

Таким образом, каждая из «проверятельных» форм описывает две ситуации и, соответственно, на семантическом уровне включает две глагольные вершины. Одна ситуация — это собственная ситуация проверки/выяснения (она кодируется элементом *-čuk'*), другая ситуация — та, наличие которой проверяется (она кодируется смысловым глаголом).

В агульском языке различается несколько классов динамических глаголов в зависимости от того, какой они используют показатель перфективной основы (*-u* или *-i*), имперфективной основы (*-a* или *-e*) и императива (у большинства глаголов императив совпадает с исходной основой, однако у некоторых он имеет вокалический суффикс). Как видно по приведенным выше примерам, в качестве морфологически связанной глагольной вершины элемент *-čuk'* относится к наиболее продуктивному словоизменительному классу: он имеет перфективную основу на *-u*, имперфективную основу на *-a* и «нулевой» императив.

Вершинные свойства элемента *-čuk'*, однако, не исчерпываются тем, что создает дополнительный локус маркирования видо-временных категорий. Помимо этого, он вводит собственный актант с ролью «проверяющего» — того, кто осуществляет про-

³ Хпюкский корпус, записанный участниками Агульского семинара в 2004—2008 гг., включает расшифровки устных нарративов и диалогов (около 13 ч. звучания) и содержит порядка 92 тыс. словоупотреблений (более 9800 предложений).

верку наличия определенного положения дел. Кодирован этот акт так, как в эргативных языках и должен кодироваться агентивный участник, — при помощи эргатива: ср. *mi* ‘он’ в (3), *gadaji* ‘парень’ в (5), *zun* ‘я’ в (7) и (10). Более того, при вершине ‘проверить’ возможно также выражение бенефактива в дательном падеже; ср. *zas* ‘мне, для меня’ в (11):

- (11) бенефактив при верификативной форме (с. Хпюк, корпус)

za-s, av.a-j-e, ha-ge gada fiš e-j-čuk’ av.a-j-e.
 я-DAT говорить.IPF-CVB-COP [ha-DEMG парень кто COP-CVB]-VERIF(IMP) говорить.IPF-CVB-COP
 ‘Для меня, — говорит, — выясни, кто этот парень.’

Некоторые виды обстоятельств могут относиться не только к ситуации, наличие которой проверяется (12а), но и к самой ситуации проверки (12б). Возможно также использование в предложении одновременно двух обстоятельств, различающихся сферой действия: в (13) *naq* ‘вчера’ относится к ситуации ‘мальчик выучил уроки’, тогда как *jaša* ‘сегодня’ — к ситуации проверки.

- (12) сфера действия наречия ‘вовремя’ при верификативе (с. Хпюк, элиситация)

а. *ruš waχt.una quš^w.a-j-čuk’.*
 [девушка вовремя возвращаться.IPF-CVB]-VERIF(IMP)
 ‘Выясни, вовремя ли вернется девушка.’

б. *waχt.una ruš quš^w.a-j-čuk’.*
 вовремя [девушка возвращаться.IPF-CVB]-VERIF(IMP)
 ‘Выясни вовремя, вернется ли девушка.’

- (13) сфера действия наречий времени при верификативе (с. Хпюк, элиситация)

zun jaša gada.ji naq’ dars ruχ.u-naj-čuk’.a-s-e.
 я(ERG) сегодня [парень(ERG) вчера урок учить.PF-PRF]-VERIF.IPF-INF-COP
 ‘Я выясню сегодня, выучил ли мальчик вчера урок.’

Наконец, в сфере действия верификатива может находиться сразу несколько клауз, каждая из которых соответствует своей проверяемой ситуации. В (14) две зависимые связочные клаузы ‘кто она’ и ‘что она делает’ «делают» одну верификативную вершину, выраженную при второй связке; связка в первой клаузе оформлена показателем условного наклонения (ср. также аналогичный пример (19) ниже).

- (14) несколько клауз в сфере действия верификатива (с. Хпюк, корпус)

šaw χut.urf.a-s-e xin, fi e-j-čuk’.a-s-e
 приходит(IMP) смотреть.IPF-INF-COP мы.INCL что COP-CVB-VERIF.IPF-INF-COP
te, fi e-j-či, fi q’.a-jde-f e-j-čuk’.a-s.
 ДЕМТ [что COP-CVB-COND что делать.IPF-PT.PRS-S COP-CVB]-VERIF.IPF-INF
 ‘Пойдем посмотрим, кто она такая, что она, что она делает.’

При том, что элемент *-čuk’* проявляет глагольные свойства, хпюкские «проверяемые» формы являются полностью морфологизованными: в современном языке не существует никакого их более «полного», исходного варианта, в котором ситуация проверки и проверяемая ситуация выражались бы автономными словоформами. Заметим, что другие матричные глаголы — такие, как *has* ‘стать; мочь’, *aq’as* ‘делать; заставлять’ или *k.andea* ‘хотеть; нужно’, — не проявляют в агульском языке тенденции к универбации, сохраняя морфологическую и синтаксическую автономность.

Нет сомнений, что к конструкции с матричным предикатом восходят и «проверятельные» производные. Понять это помогает форма смыслового глагола, которая напрямую соотносима с формами условного наклонения (см. Таблицу 1, где показан фрагмент парадигмы глагола *aq'as* 'делать'). Большинство финитных форм индикатива в агульском языке исторически имеет аналитическую структуру и образовано при помощи деепричастия (перфективного или имперфективного вида) или одного из нескольких причастий и постпозитивного вспомогательного глагола (связки *e* или стативной лексемы *a* 'быть, находиться внутри'). Некоторые примеры приведены во втором столбце таблицы: презенс представляет собой сочетание имперфективного деепричастия и глагола *a*, перфект/результатив — перфективного деепричастия и того же глагола, экспериентивное прошедшее — перфективного причастия и связки и т. п. Им соответствует целая серия аналитических по структуре форм условного наклонения, в которых тот же вспомогательный глагол маркирован аффиксом *-čī* (ср. связку *ejčī*, стативный глагол *ajčī*). Очевидно, что именно эти условные формы и служат базой для образования «проверятельной» серии.

Таблица 1. Финитные, условные и «проверятельные» формы в агульском языке

	финитная форма	условная форма	«проверятельная» форма
ПРЕЗЕНС	<i>aq'.a-a</i> (< <i>aq'aj a</i>)	<i>aq'.a-jčī</i> (< <i>aq'aj ajčī</i>)	<i>aq'.a-jč-uk'</i>
ПЕРФЕКТ/ РЕЗУЛЬТАТИВ	<i>aq'.u-naa</i> (< <i>aq'una a</i>)	<i>aq'.u-na-jčī</i> (< <i>aq'una ajčī</i>)	<i>aq'.u-na-jč-uk'</i>
АОРИСТ	<i>aq'.u-ne</i> (< <i>aq'una e</i>)	<i>aq'.u-n-čī</i> (< <i>aq'una ejčī</i>)	<i>aq'.u-n-č-uk'</i>
ЭКСПЕРИЕНТИВНОЕ ПРОШЕДШЕЕ	<i>aq'.u-f-e</i> (< <i>aq'uf e</i>)	<i>aq'.u-f-ejčī</i> (< <i>aq'uf ejčī</i>)	<i>aq'.u-f-ejč-uk'</i>

Тип сложноподчиненной синтаксической структуры, послужившей основой для морфологизованных форм на *-čuk'*, также легко себе представить — это матричный предикат с зависимым косвенным вопросом, который в агульском языке стандартно кодируется как протасис условного предложения⁴. Ср. «минимальную пару» с автономным матричным предикатом 'смотреть', вводящим косвенный вопрос (15), и «проверятельной» формой (16) — два этих предложения различаются только тем, что во втором случае бывшие матричная и зависимая клаузы слиты в единую словоформу.

(15) косвенный вопрос при глаголе 'смотреть' (с. Хпюк, элиситация)

gada.ji   *ʃut'.u-naj-čī*   *χut.urf.*
[парень(ERG)   есть.PF-PRF-COND]   смотреть(IMP)

'Посмотри, поел ли мальчик.'

(16) косвенный вопрос при морфологизованном верификативе (с. Хпюк, элиситация)

gada.ji   *ʃut'.u-naj-čuk'*.
[парень(ERG)   есть.PF-PRF]-VERIF(IMP)

'Выясни, поел ли мальчик.'

⁴ Стратегия оформления косвенно-вопросительного придаточного так же, как условного, типологически широко распространена — ср. хотя бы англ. *She asks if you will come* или франц. *Elle demande si tu viendras* 'она спрашивает, придешь ли ты' с условными союзами *if* и *si* 'если'. Среди лезгинских языков формы условного наклонения используются в косвенных вопросах еще по меньшей мере в лезгинском, табасаранском и цахурском.

Тем самым, исторически хпюкский элемент *-čuk'* — представляет собой морфологизацию условной формы (точнее, серии условных форм) на *-či* и матричного предиката типа **uk'* — со значением ‘проверять, выяснять’. Проблема состоит в том, что, оставаясь внутри собственно хпюкского говора, трудно было себе представить кандидата на роль этого глагола: лексема с похожим значением и формой в современном говоре отсутствует.

Возможная параллель с арчинской «узнавательско-целевой» формой на данном этапе также еще не была проведена. И действительно, два этих явления в родственных — хотя и не близкородственных — языках интерпретировались существенно по-разному. Если в арчинской грамматике речь шла об одной деепричастной форме, причем происхождение ее показателя из глагола ‘видеть’ было достаточно очевидно, то в работе Майсак, Мерданова 2004 серия агульских «проверятельных» форм описывалась скорее как типологически необычная актантная деривация, восходящая к конструкции с зависимым косвенным вопросом в условном наклонении и неизвестным матричным глаголом.

Дальнейшие исследования агульских диалектов и говоров позволили выявить возможный источник хпюкского компонента *-uk'*, однако одновременно показали, что установить единый путь грамматикализации «верификатива» на общеагульском уровне — задача не только нетривиальная, но и вряд ли выполнимая.

Прежде всего, оказалось, что «проверятельные» формы, аналогичные хпюкским, распространены и в других агульских диалектах, хотя выглядят там немного иначе. Несколько примеров таких форм встречается даже в книге А. А. Магометова «Агульский язык», изданной в 1970 году, — однако только в помещенных в приложении текстах, в собственно грамматическом описании они никак не комментируются. Одним из таких примеров является (17) из говора с. Рича, где хпюкской последовательности *-čuk'* — соответствует *-čug-*. Аналогичную форму «проверятельный» элемент имеет в говоре с. Тпиг (райцентр Агульского района), ср. примеры из перевода Евангелия от Луки, изданного в 2005 году (18)⁵, а также из газеты «Вести Агула» (19):

- (17) верификатив в агульских диалектах (с. Рича, Магометов 1970: 217)

malla-nasradin *ʔuč'.u-ne* *avaj*, *xed* *a-je* *q:uj.di-ʔ*

Молла-Насреддин {IN}лезть.PF-AOR CIT [вода {IN}быть-PT колодец-IN

q:izil *a-j-čug.a-s.*

золото {IN}быть-CVB]-VERIF.INF-INF

‘Молла-Насреддин влез в яму с водой, искать золото (букв. проверить, есть ли золото в колодце с водой).’

- (18) верификатив в агульских диалектах (с. Тпиг, Инджил 2005: 62)

sa *ʔelim.a* *q'asust:i* *χabar* *vuš.u-naja* *ʔisa.ji-f-as,*

один ученый(ERG) нарочно весть брать.PF-PRF Иисус-APUD-ELAT

gi *fi-v.a-j-čug.a-s.*

[DEMG(ERG) что-говорить.PF-CVB]-VERIF(IMP)

‘Появился некий учитель Закона, который, желая испытать Иисуса (букв. чтобы проверить, что Он скажет), спросил Его...’ (Лк. 10:25)

⁵ В общей сложности перевод Евангелия от Луки содержит 8 употреблений верификатива — все в форме инфинитива.

- (19) верификатив в агульских диалектах (с. Тпиг, «Вести Агула», № 34, 2009)
[http://agul.etnosmi.ru]

ʃat.iw.u-naja komissi=ra, duz-di a-j-čug.u-naja
выбирать.PF-PRF комиссия=ADD [правильный-ADV {IN}быть-CVB]-VERIF.PF-PRF

küče-br.i-n t.ur-ar, nur-ar.i-n granica-bur, fi-št.i
[улица-PL-GEN имя-PL село-PL-GEN граница-PL] [что-ADV

a<di>x.a-j-č'in ja ix.a-j-č'in uč'em-ar.i-? insan-ar.
[<NEG>.{IN}класть.IPF-CVB-COND или {IN}класть.IPF-CVB-COND учет-PL-IN человек-PL]

‘{О подготовке к переписи 2010 г.} Избрали комиссию, проверили, правильны ли названия улиц, границы селений, каким образом не учитывать или учитывать людей.’

Тпигская и ричинская форма «проверятельного» элемента *-čug-* как будто бы дает ключ к установлению лексического источника, игравшего в исходной конструкции роль матричного предиката. Как семантически, так и формально на эту роль подходит общеагульский глагол *ag^was* ‘видеть’ (корень *ag^w-*): его значение достаточно близко к ‘проверять, выяснять’, а появление последовательности *-čug-* из исходного сочетания *-č'i ag^w-* легко объясняется стяжением гласных и переходом лабиализации с конечного согласного корня (это предположение было высказано уже в Мерданова 2004: 150—152). Форма хпюкского показателя *-čuk'* в таком случае представляет собой результат нерегулярного перехода звонкого велярного /g/ в абруптив /k'/. Как мы увидим далее, эта гипотеза имеет явную параллель в арчинском языке. Вместе с тем, агульский глагол ‘видеть’ и показатель верификатива имеют важное различие: ‘видеть’ относится к экспериенциальным глаголам, субъект которых кодируется дательным падежом (20); субъект же «проверятельной» клаузы, как указывалось выше, является не экспериенцером, а агенсом и кодируется эргативом.

- (20) глагол *ag^was* в говоре с. Хпюк (корпус)

za-s we gada ag.u-ne.
я-DAT твой сын видеть.PF-PFT

‘Я видел твоего сына.’

Наиболее очевидна связь «проверятельной» формы и глагола ‘видеть’ в буркиханском говоре, где соответствующая конструкция не морфологизована и сохраняет свою исходную форму (суффикс условного наклонения в этом говоре имеет вид *-š'in*). «Проверятельное» использование ‘видеть’ с косвенным вопросом обнаруживается еще в текстах, записанных А. Дирром в начале XX века (21); в современном говоре конструкция выглядит аналогично.

- (21) верификатив в агульских диалектах (с. Буркихан, Дирр 1907: 87)

zun ar.e-st.i sa č'uq' gah.di kurzar-aq'.a-s
я приходит.IMP-TERM [один немного время(TMR) останавливаться-делать.IMP-IMP

w.a-rej-š'in ag^w!
мочь.IPF-CVB.COP]-COND видеть(IMP)

‘Постарайтесь (букв. проверьте, сможете ли) задержать его ненадолго, пока я не приду!’

Картина, однако, усложняется при привлечении материала других говоров, в которых «проверятельная» форма демонстрирует непредсказуемую вариативность. В го-

воре с. Усуг соответствующая форма включает элемент *-čuw-* (22), в говоре с. Гоа⁶ ему соответствует *-š^wk'-* (23), а в говорах сс. Кураг и Хутхул — *-čiq'-* (24).

- (22) верификатив в агульских диалектах (с. Усуг, Магоматов 1970: 219)

mi ara.j pač:ah uč.i-n q:ala.j-l-as xt:urf.a-j
 DEMM промежуток(TMR) царь сам-GEN крепость-SUPER-ELAT смотреть.IPF-CVB

x.u-ne wezir q'uw.ä-j-čuw.a-s.

стать.PF-AOR [визирь возвращаться.IPF-CVB]-VERIF.INF-INF

‘В это время царь со своей крепости смотрел, возвращается ли визирь.’

- (23) верификатив в агульских диалектах (с. Гоа, корпус)

mi ruš.a=ra, kürmaš.i-as ulart.a mi.di
 DEMM девушка(ERG)=ADD дымоход-(IN)ELAT смотреть.IPF(PRS) DEMM(ERG)

c'a ketew.e-š^wk'.a-s.

[огонь гаснуть.IPF-CVB]-VERIF.INF-INF

‘А эта девочка, она смотрит (с крыши) через дымоход, погас ли огонь.’

- (24) верификатив в агульских диалектах (с. Кураг, Магоматов 1970: 206)

malla-nasrat.in alkuč'.u-ne sa ke hawa k^wad.i-l-di,
 Молла-Насреддин {SUPER-UP}лезть.PF-AOR один самый высокий крыша-SUPER-LAT

hana-n χal.a-?as kum ?at.aš^w.a-j a-j-čiq'.a-s.

[КТО-GEN дом-IN-ELAT дым {IN-ELAT}идти.IPF-CVB {IN}быть-CVB]-VERIF.INF-INF

‘Молла-Насреддин залез на самую высокую крышу, чтобы посмотреть, из которого дома идет дым.’

Первый согласный во всех случаях по-прежнему соотносим с суффиксом условного наклонения *-čī* или *-šī*, однако последний согласный везде отличается от ожидаемого звонкого веларного. Если эти «проверятельные» формы также восходят к сочетанию вершины условной клаузы и глагола ‘видеть’ (а во всех указанных говорах ‘видеть’ также имеет корень *ag^w-*), для всех из них придется постулировать нерегулярные фонетические переходы. Альтернативное объяснение состояло бы в том, что в разных говорах в качестве исходных матричных предикатов использовались разные глаголы с близким значением.

И, действительно, данные еще двух говоров (сс. Дулдуг и Яркуг) подтверждают эту догадку и показывают, что говорить о единой для всех агульских идиомов исходной модели, лежащей в основе верификативной конструкции, все-таки нельзя. В яркугском говоре «проверятельный» элемент выглядит как *-čk^waq'-* (25), в дулдугском — как *-čk^waʔ-* (их последние согласные связаны достаточно тривиальным фонетическим переходом /qʔ/ > /ʔ/).

- (25) верификатив в агульских диалектах (с. Яркуг, корпус)

uš.u-naa, nen.di a-čk^waq'.u-naa c'eh.

уйдуть.PF-PRF [где(IN) {IN}быть]-VERIF.PF-PRF [коза]

‘Он пошел, посмотрел, где (находится) коза.’

Очевидно, что связывать источники данных показателей с глаголом *ag^w-* ‘видеть’ не представляется возможным. При этом основа *k^waq'-* напрямую соотносима с другой глагольной лексемой, имеющей значение ‘искать; находить’. Это достаточно редкий пере-

⁶ Данные по гоинскому, а также яркугскому и дулдугскому говорам предоставлены Д. С. Ганенковым.

ходный глагол, который не является единственным глаголом «поиска» и «нахождения», однако представлен в разных агульских диалектах, включая хпокский. Как показывают примеры (26) и (27), глагол *k:ʷaqʷ*- может обозначать не только нахождение объекта (не случайное, а в результате поисков), но и выяснение того, имеет ли место ситуация.

(26) глагол ‘искать’ при описании обнаружения (с. Хпюк, корпус)

mi=ra k:ʷaqʷ.a-j-e p:ač:ah.t:i-n ɣal=la...
 DEMM(ERG)=ADD искать.IPF-CVB-COP царь-GEN дом=ADD

‘Он отыскивает дом царя...’

(27) глагол ‘искать’ при описании выяснения (с. Хпюк, корпус)

uš.u-ne zun, k:ʷaqʷ.u-ne, komisu fiš x.a-je-fe...
 уходить.PF-AOR я искать.PF-AOR комиссия(IN) кто стать.IPF-PT:PRS-S-COP

‘Пошел я, выяснил, кто будет в комиссии.’

Таким образом, по крайней мере в двух говорах «проверятельная» конструкция исходно включала не глагол ‘видеть’, а неродственный ему глагол ‘искать; находить’. Нельзя исключать и того, что именно этот глагол является источником согласного *-qʷ*- в «проверятельном» элементе тех говоров, где он имеет вид *-čiqʷ*- (курагском и хутхульском) — по крайней мере упрощение кластера /čkʷ/ представляется более естественным, чем переход велярного /g/ глагола ‘видеть’ в увулярный абруптив /qʷ/.

Наконец, загадочной является «проверятельная» форма в говоре с. Буршаг, который относится к кошанскому диалекту, — этот диалект противопоставлен всем остальным агульским диалектам, с которыми он не является взаимопонятным (территориально он относится к северо-восточной области агулоязычного ареала и примыкает к зоне распространения табасаранского языка). В этом говоре к форме причастия/депричастия на *-j* присоединяется «проверятельный» показатель *-magʷ*- (29), в составе которого легко идентифицируется глагол *agʷas / ugas* — но в буршагском он означает не ‘видеть’, а ‘искать; находить’ (28) и является переходным.

(28) глагол *agʷas* в говоре с. Буршаг (корпус)

ɣ.i-naw mar, ha-time ag.u-naw, ha-ti armi, zulqʷʷanaj
 уходить.PF-PFT DEMM:PL ha-DEMT искать.PF-PFT ha-DEMT мужчина Зулканай

k:.a-j-ir ag.u-naw.

говорить.IPF-PT-S искать.PF-PFT

‘Они пошли и нашли его, нашли этого мужика, человека по имени Зулканай.’

Начальное *-m-*, впрочем, никак не соотносится с показателем условного наклонения, который в кошанском диалекте выглядит как *-tʷen*. В данном случае, следовательно, если не постулировать идиосинкратического фонетического развития, приходится признать, что зависимый предикат в исходной конструкции должен был иметь какую-то другую форму (причем совершенно неочевидно, какую именно).

(29) верификатив в агульских диалектах (с. Буршаг, корпус)

jaɣa isʷuj p.u-naw, fi qʷ.a-j-magʷ ɦuč.a
 сегодня ночь(TMR) говорить.PF-AOR [что делать.IPF-CVB]-VERIF(IMP) [волк(ERG)]

p.u-naw.

говорить.PF-AOR

‘Сегодня ночью, — выл (волк), — вы посмотрите, что сделает (= что вам устроит) волк!’

Итак, обнаруженная сначала в хпокском говоре, а затем и в других агульских идиомах форма со значением ‘проверить/выяснить, имеет ли место ситуация’ оказалась интересна во многих отношениях. С одной стороны, исторически она явно представляет собой морфологизацию матричного предиката и зависимого косвенного вопроса. С другой стороны, однозначно определить конкретный лексический источник бывшего матричного глагола, а также конкретную грамматическую форму зависимого глагола оказалось невозможно. В большинстве говоров исходная конструкция, по всей видимости, представляла собой сочетание «косвенный вопрос с вершиной в условной форме + финитная форма глагола *ag^{was}* ‘видеть’», — однако столь большая и нерегулярная вариативность морфологизованного показателя *-čig^{w-}* / *-čuk[']* / *-š^{wk[']}* / *-čiw-* / *-čiq[']* / *-tag^{w-}* в современных языках с трудом объяснима. Кроме того, странным кажется выбор эргатива для кодирования роли «проверяющего» — во всех агульских говорах субъект глагола *ag^{was}* выражается дательным падежом (за исключением кошанских говоров, где, как отмечалось, этот глагол означает ‘искать’ — там его субъект кодируется эргативом). Если матричным глаголом в исходной конструкции был ‘видеть’, следовало ожидать «наследования» грамматического оформления субъекта и в верификативе. Наиболее прозрачна ситуация в тех немногих агульских говорах, где «проверятельный» элемент выглядит как *-čk^{'waq[']}* / *-čk^{'wa?}* — здесь источником был явно не *ag^{was}* ‘видеть’, а переходный глагол *k^{'waq[']}* / *as* ‘искать’. Это означает, что в основе «проверятельных» элементов разных говоров лежали разные, хотя и сходные конструкции, — тем самым, грамматикализацию верификатива следует относить не к общеагульскому уровню, а к более позднему времени.

3. ВЕРИФИКАТИВ В АРЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Как уже говорилось во введении, в грамматике 1977 года А. Е. Кибрик предлагает трактовать арчинскую форму на *-klus* как особое деепричастие. В арчинском корпусе⁷ встретился 21 независимый пример употребления этой формы (всего примеров 26, но некоторые из них контекстно связаны — являются повторениями или парными — и имеют идентичную структуру, поэтому мы примем за общее число вхождений 21). Ниже мы увидим, что в ходе элиситации в арчинском языке обнаруживаются и другие «проверятельные» формы, но даже и для формы на *-klus* деепричастная трактовка внушает сомнения с синтаксической точки зрения.

Действительно, практически во всех контекстах форма имеет целевую семантику (ср. (1) выше). Она часто употребляется с глаголами движения (примерно треть примеров; ср. (30)) или в целевой конструкции с *boli* (букв. перфективное деепричастие от глагола ‘сказать’; примерно четверть примеров), ср. (31)–(32), а в одном случае глагол движения вводит целевую конструкцию с *boli*, ср. (33).

⁷ Арчинский электронный корпус включает в себя тексты, записанные в начале 20-го века А. Дирром (см. Дирр 1908), несколько текстов, записанных М. Ш. Микаиловым (см. Микаилов 1967), тексты, опубликованные в 1977 г. А. Е. Кибриком и его соавторами в работе Кибрик и др. 1977, и новые тексты, собранные в рамках проекта по документации арчинского языка в 2005–2010 гг. — всего около 40 тыс. словоупотреблений или 5 тыс. предложений.

- (30) конструкция с глаголом движения (Дирр 1908: 108)

os: iq-n-a jamu-b s:ol o(b)l̥ni-li ċ'elle-ši
 один день-OBL-IN этот-3 лиса <3>выйти.PF-EVID снаружи-LAT
ho:n-u da:'z eħ:-o:-t'u-r-k:u-s
 что-и достать 4.LV.PF-FUT-NEG-INTRG-VERIF-INF

‘Однажды эта лиса вышла (поискать), не раздобудет ли хоть чего (поест).’

- (31) целевая конструкция с
- boli*
- (корпус 1977)

ħit:a ju-w-mu jašul adam i-r-k:u-s bo-li
 тогда этот-1-OBL.1(ERG) внутри человек 4.быть-INTRG-VERIF-INF сказать.PF-CVB
š:wit' bo-li
 свистеть LV.PF-EVID

‘Он посвистел, чтобы узнать, нет ли внутри кого-нибудь.’

- (32) целевая конструкция с
- boli*
- (корпус 1977)

ħit:a os han ke-r-k:u-s bo-li
 тогда один что 4.стать-IPF.INTRG-VERIF-INF сказать.PF-EVID
o:k'ur t'i-t:u-t gon ors:u-li
 медленно быть.маленьким-ATR-4 палец 4.макнуть.PF-EVID

‘Потом из любопытства (букв. чтобы узнать, что случится/станет) медленно макнула она в него мизинец.’

- (33) глагол движения и целевая конструкция с
- boli*
- (новые тексты)

kirim-li o(b)ħ:a-li b-i-r-k:u-s bo-l-er
 Карим-OBL(ERG) <3>унести.PF-CVB 3-AUX-INTRG-VERIF-INF сказать.PF-CVB=QUOT
d-aq'a-t:u-r-er
 2-прійти.PF-ATR-3=QUOT

‘Пришла, грит, чтобы, грит, узнать — унес Карим или нет.’ (ср. перевод носителя: ‘Карим забрал или нет спросить пришла, говорит’.)

Целевая семантика, сочетаемость с глаголами движения и особенно использование в целевой *boli*-конструкции — все это свойства, характерные для арчинского инфинитива; конструкция с *boli*⁸ вообще допускает только инфинитив. Если теперь обратить внимание на то, что конечный сегмент формы совпадает с инфинитивным окончанием, можно предположить, что и сама форма является не «проверятельным» конвербом, а «проверятельным» инфинитивом.

Однако, если признать форму на *-k:us* инфинитивом, мы сразу встаем перед следующей проблемой. Семантическая специализация конверба для дагестанских языков характерна (именно поэтому, по-видимому, А. Е. Кибрик отнес форму к числу конвербов), но специализированный, да еще с таким неожиданным, на грани лексического, значением, инфинитив выходит за рамки типологически ожидаемого. Описанная выше агульская ситуация, в которой проверятельные формы образуют собственную, полную парадигму, кажется по крайней мере более понятной. Оказывается, что в ходе элисации носители признают возможность других (не только «инфинитивных») верификативных форм в арчинском языке, но если в агульском форма инфинитива в корпусе

⁸ Как и другие перфективные деепричастия, форма *boli* может употребляться финитно в значении незавидительствованного прошедшего; для удобства в примерах разные функции показателя деепричастия *-li* разведены в глоссировании (CVB vs. EVID).

только количественно преобладает, в арчинских текстах встречается уже исключительно только она. Мы не можем дать исчерпывающий список форм, которые возможны для верификатива, так как сплошная проверка не проводилась; однако по крайней мере следующие формы наши консультанты более или менее легко подтверждают:

(34) аорист верификатива (элиситация)

zon $\chi:^w$ *alli* *b-a-r-ma* *e(r)di*, $\chi:^w$ *alli* *bo-lo-r-k:u*
я хлеб 3-сделать-IPF.INTRG-CVB.LOC <2>быть.PST хлеб 3-дать-IPF.INTRG-VERIF.PF
'Я была там, где хлеб пекут — посмотрела, дадут ли мне хлеб.'

(35) императив верификатива (элиситация)

k'wa-r-k:w-a
1.умирать-IPF.INTRG-VERIF-IMP
'Проверь, умрет ли он.'

(36) футурум верификатива (элиситация)

zon *uq'a-na* *su(w)k:u-qi* *ari* *u-w-l-lu-k:u-qi*
я 1.идти.PF-CVB <1>смотреть.PF-FUT работа делать.PF-4-EVID-INTRG-VERIF-FUT
'Я пойду посмотрю, сделали ли работу.'

Таким образом, как и в агульском языке, проверяемость в арчинском языке представлена не одной формой, а семейством форм, образующими собственную (как мы покажем ниже, в определенном смысле независимую) парадигму. Эти формы мы будем далее называть верификативными. Верификативные формы состоят из собственно показателя верификатива *-k:u-*, к которому присоединяются некоторые глагольные суффиксы, в том числе показатель инфинитива *-s*; показатель императива *-a* (трансформирующий конечный *-u* в лабиализацию предшествующего согласного); показатель будущего времени *-qi* (по А. Е. Кибрику — основа потенциалиса); нулевой показатель аориста (форма аориста таким образом совпадает с перфективной основой).

Таблица 2.
Формы верификатива в сравнении с формами
обычного глагола (арчинский язык)

	формы верификатива	формы глаголов 'сказать', 'искать', 'видеть'
инфинитив	основа-(<i>r-</i>) <i>k:u-s</i>	<i>bo-s</i> , = <i>irk:u-s</i> , = <i>ak:u-s</i>
императив	основа-(<i>r-</i>) <i>k:w-a</i>	<i>b-a</i> , = <i>irk:w-a</i> , <i>ak:w-a</i>
будущее	основа-(<i>r-</i>) <i>k:u-qi</i>	<i>bo-qi</i> , = <i>irk:u-qi</i> , = <i>ak:u-qi</i>
аорист	основа-(<i>r-</i>) <i>k:u</i>	<i>bo</i> , = <i>irk:u</i> , = <i>ak:u</i>
презенс	*	<i>wa-r</i> , = <i>irk:u-r</i> , = <i>ak:u-r</i>
перфект	*	<i>bo-li</i> , = <i>irk:u-li</i> , = <i>ak:u-li</i> (+Aux)
незасвид. прошедшее	*	<i>bo-li</i> , = <i>irk:u-li</i> , = <i>ak:u-li</i>

Как показывает Таблица 2, в морфологическом отношении показатель *-k:u-* ведет себя так, как если бы он был глагольной основой. Однако некоторые теоретически возможные формы носители скорее отвергают; например, форму имперфективного деепричастия, которая должна была бы заканчиваться на *-k:u-r-ši*. У некоторых переводчиков вызывает затруднение и форма аориста верификатива; легче образуются формы системы ирреалиса: императив, будущее время и в первую очередь инфинитив (один из консультантов считает, что инфинитивная форма на *-k:us* не только употребляется чаще, но «даже

легче произносится»). Все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что ядерными для верификатива являются инфинитивные и другие ирреальные употребления — и что тем самым неслучайно, что в корпусе встретились только инфинитивные формы.

Обратимся теперь к характеристике той части глагольной формы, которая лежит в сфере действия показателя верификатива (то есть находится слева от него). В грамматике 1977 г. указывается, что верификатив образуется от интеррогативных форм глагола. Это еще одна важная параллель с агульским, где, как указывалось выше, формы верификатива соотносимы со структурой косвенного вопроса: в арчинском языке использование вопросительной частицы также является одной из возможных стратегий оформления косвенного вопроса.

Интеррогативные формы А. Е. Кибрик считает особым наклонением; представляется однако, что вопросительная частица *-ra* относится скорее к ряду кросс-категориальных элементов, тяготеющих к предикативной вершине (таким, как уже фигурировавший выше в примере (33) показатель квотатива *-er*; как мы увидим ниже, сам верификатив; показатель отрицания *-t'u*; показатель дубитатива *-čugu*; до некоторой степени, адвербиализатор *-ši* — все эти категории в грамматике 1977 г. отнесены к обычным грамматическим категориям глагола). Так, вопросительная частица сочетается с неглагольными предикативными вершинами, например, *hu-ra* 'да?', *t'o-ra* 'нет?' (где *hu* и *t'o* — это 'да' и 'нет', соответственно). Поэтому, если «смысловую» часть верификативной формы можно было бы идентифицировать с интеррогативными формами, это было бы свидетельством в пользу слабой морфологической связи между лексическим глаголом и самим верификативом (или вообще отсутствия таковой). Рассмотрим этот вопрос подробнее.

С формальной точки зрения, большинство изменений частицы *-ra*, засвидетельствованных перед верификативным показателем, характерны и для неверификативных вопросительных форм глагола (*-li + -ra → -l-ra → -lla*; *-r + -ra → -r-a*; *-n + -ra → -n-a*). Но кроме того, обнаруживаются несколько фонетических процессов, которые имеют место только в верификативе: чаще всего гласный частицы синкопируется. В остальных случаях гласный сохраняется и иногда, по-видимому, факультативно, уподобляется *-u-* верификативного показателя, как в форме *hu-ru-k.u-s* 'узнать, верно ли', *uw-l-lu-k.u-s* (*uw-li-ra-k.u-s*) 'узнать, сделано ли' (вероятно, ассимиляции способствует предшествующий корневой *-u*). Впрочем, этот гласный сильно редуцирован и его качество восстанавливается только при отчетливом произнесении.

В результате фузионных процессов и синкопы в форме, образованной от имперфективной основы суффиксацией *-r*, никаких материальных следов, указывающих на присутствие вопросительной частицы, не остается ($V-r_{\text{IPF}}-ra_{\text{INTRG}}-k:u_{\text{VERIF}}-s_{\text{INF}} \rightarrow V-r-k.u-s$); мы не можем утверждать, что в этой форме частица присутствует. Во всех остальных примерах из корпуса интеррогативная частица имеется⁹.

Верификативная форма утрачивает некоторые синтаксические свойства вопросительных конструкций. Вне верификативных форм интеррогативная частица возможна только в общих вопросах; ср.:

⁹ То же верно и для большинства примеров, полученных в ходе элиситации; только в одном примере частицы нет (причем это форма не от имперфективной основы, поэтому частица не могла исчезнуть в результате морфонологических преобразований). Поэтому в верификативных формах, где интеррогатив в принципе мог быть поглощен имперфективным показателем *-r*, мы глоссируем этот показатель кумулятивно (IPF.INTRG); ясно, что такое решение отчасти условно и связано с нашей интерпретацией верификативной морфологии.

(37) вопросительная конструкция (элиситация)

- а. *wiš bo-s-du-t č'at i-ra*
 ВЫЛ.ГЕН сказать.ПФ-ИНФ-АТР-4 слово 4.БЫТЬ-INTRG
- б. *wiš bo-s-du-t han i / *i-ra*
 ВЫЛ.ГЕН сказать.ПФ-ИНФ-АТР-4 что 4.БЫТЬ / 4.БЫТЬ-INTRG

‘Вам есть, что сказать?’

Так же обстоит дело и в конструкции с косвенным вопросом:

(38) косвенный вопрос (элиситация)

- а. *ez sin-t'u nol'-a tu-w w-i-ra*
 4.Я.ДАТ знать-NEG дом-ИН тот-1 1-БЫТЬ-INTRG
 ‘Я не знаю, дома ли он.’
- б. *ez sin-t'u nol'-a kwi i / *i-ra*
 4.Я.ДАТ знать-NEG дом-ИН кто 4.БЫТЬ / 4.БЫТЬ-INTRG
 ‘Я не знаю, кто дома.’

В отличие от (38а), в (38б) использование на связке вопросительной частицы невозможно. В составе же верификативной формы вопросительная частица не подчиняется этому правилу: она употребляется и при общем, и при частном косвенном вопросе. Следующее предложение образовано из текстового примера заменой именной группы на вопросительное местоимение; интеррогативная частица (*-la-*) сохраняется:

(39) интеррогатив при вопросительном слове (корпус 1977, предложение модифицировано)

- wallah bo-li zo:n-u so(w)k:u bo-li*
 клянусь сказать.ПФ-EVID я-и <1>смотреть.ПФ сказать.ПФ-EVID
- han eχ:u-l-la-k:u-s u:n-u sa(r)k:-a*
 что 4.остаться.ПФ-EVID-INTRG-VERIF-INF ты-и <2>смотреть-ИМП
- bo-li jak do-q⁶-a-lli*
 сказать.ПФ-EVID внутрь 2-пойти-ИМП-CVB.ИМП

‘Клянусь, сказал, я уже посмотрел, чтобы проверить, что осталось; теперь ты залезь внутрь и тоже посмотри.’

Таким образом, можно сказать, что показатель интеррогатива в составе верификатива утратил функциональное единство со своим «свободным» употреблением. Вместе с тем в ходе элиситации некоторые из наших информантов признавали допустимость верификативных форм, не содержащих интеррогативной частицы, так что говорить об интеграции интеррогатива в показатель верификатива, по-видимому, невозможно; правильное сказать, что показатель интеррогатива является почти, но все же не вполне обязательным компонентом верификативной формы.

Что касается формы, находящейся в сфере действия уже самого интеррогатива, то в корпусе зафиксированы следующие формы: чаще всего презенс бытийного глагола, ср. (31), (52) и др., общее настоящее (основа имперфекта), ср. (1), (32), (40) и др., и отрицательное будущее, ср. (30); по одному разу незасвидетельствованное прошедшее, ср. (39) и аналитический перфект, ср. (33), где показатель верификатива присоединяется к форме вспомогательного глагола. В элиситации также были признаны возможны по крайней мере неотрицательное будущее (для глагола *a-s* ‘делать’ — *u-w-qi-k:u-s*

‘(чтобы) узнать, делает ли’) и отрицательное общее настоящее (*a-r-t'u-r-k:u-s* ‘(чтобы) узнать, не делает ли’).

Интересно практически единодушное неприятие образования верификатива от одной из основных и наиболее частотных форм арчинских глагольных форм — формы аориста (совпадает с префективной основой) — для глагола ‘делать’ положительные и отрицательные формы **u-w-k:u-s* и **u-w-t'u-k:u-s*, соответственно. Очевидно, здесь имеет место конфликт семантики формы аориста, выражающей прямую засвидетельствованность, с семантикой верификации. Теоретически можно было бы предположить, что субъект засвидетельствованности и субъект верификации могут не совпадать (например, в императиве: ‘убедись в том, что истинно Р, свидетелем которого я являлся’); на практике, однако, субъекты этих двух ситуаций совпадают и, поскольку субъект прямой засвидетельствованности не нуждается в проверке истинности факта и не может являться субъектом верификации, такие формы отвергаются. Также по семантическим причинам в составе верификатива запрещены формы с сильным модальным компонентом — императив и инфинитив (но не будущее время). Все эти ограничения объединяют верификатив с косвенным вопросом, из которого он предположительно происходит.

Таблица 3.

Видо-временные формы, засвидетельствованные для лексической части верификативной формы (арчинский язык)

	формы лексического глагола в составе верификативной формы
презент	IPF.INTRG- <i>k:u-</i> (также с отрицанием)
будущее	FUT.NEG-INTRG- <i>k:u-</i> (также без отрицания)
перфект	PF-CVB.PF Aux-INTRG- <i>k:u-</i>
незасв. прошедшее	PF-EVID-INTRG- <i>k:u-</i>
инфинитив	*
императив	*
аорист	*

Несколько уточняющих замечаний о семантике формы. Некоторые консультанты переводили верификатив модальными конструкциями: *arsark:us* ‘может быть, он надеет (одежду)’ вместо ‘проверить, наденет ли он (одежду)’; *aso:t'urk:us* ‘я хочу, чтобы (одежду) надели’ вместо ‘я проверю, наденут ли (эту одежду)’ и так далее. Такой сдвиг интерпретации вполне объясняется в рамках влияния контекстных импликатур — проверка истинности Р сопряжена с эпистемической оценкой его вероятности; другие переводчики не демонстрировали такой тесной связи верификатива и модальности.

Как и для агульского языка (ср. выше обсуждение значения примеров (2) и (3)), ярлык «верификатив» является условным, так как речь идет не только о значении ‘проверить, верно ли Р’. Если в составе клаузы есть вопросительное слово, именно оно, а не истинность предикации, является объектом «выяснения»:

(40) ‘каков *x*, такой что $P(x)$ ’ (корпус 1977)

š:wi *çarak* *os-di-li* *ïonnol* *boşor-mi*
ночью сзади 4.встать-PF-EVID женщина мужчина-OBL(ERG)

han *çabar* *b-a(r)t-ir-k:u-s* *bo-ko-s*
что история 3-⟨IPF⟩пустить-IPF.INTRG-VERIF-INF 3-услышать-INF

‘Ночью (мальчонка) позади встал, чтобы послушать и узнать, что супруги между собой говорят.’

(41) 'каков х, такой что P(x)' (новые тексты)

un=er   *han*   ***a-r-k:u-s:=er***   *bo-li*
 ты(ERG)=QUOT   что   4.сделать-IPF.INTRG-VERIF-INF=QUOT   сказать.PF-CVB
edi-t:u-t:=er   *žu=r*
 4.AUX.PST-ATR-4=QUOT   cam.I.OBL(ERG)=QUOT

'Отвeтил, что чтобы посмотреть, что я сделала бы.'

Термин А. Е. Кибрика («*узнавательно-целевая форма*»), таким образом, более точно отражает семантику категории. Как представляется, эти примеры можно также интерпретировать как свидетельство относительной взаимной автономности лексического глагола и категории верификатива: интерпретация категории зависит от синтаксической конструкции клаузы, возглавляемой лексическим глаголом (в случае общего вопроса верификатив выражает значение 'узнать, верно ли, что P'; в случае частного вопроса 'узнать, каков X, такой что P(X)'). Автономность эта, впрочем, носит частичный характер: употребление в верификативной форме интеррогативной частицы, которое вне верификатива определяется типом вопроса, здесь склоняется к обязательности.

Кроме таких явных параллелей, наблюдается также по крайней мере одна параллель в периферийных функциях формы. В агульском примере (29) выше верификатив употреблен в контексте угрозы (предостережения); аналогичный контекст обнаруживается в арчинском корпусе:

(42) модальное употребление (новые тексты)

ašbe,   *zari was*   *han*   ***a-r-k:u-s***
 погоди.MILD   я.ERG   ты.DAT   что   4.сделать-IPF.INTRG-VERIF-INF

'Подожди, вот я тебе! (букв. увидишь, что я тебе сделаю)'

Вернемся к морфологической интерпретации верификативных форм. Основа лексического глагола, с одной стороны (слева), и показатель верификатива, с другой стороны (справа), имеют собственные словоизменительные парадигмы, которые хотя и ограничены — для лексического глагола по крайней мере частично семантическими факторами, для показателя верификатива, по-видимому, постепенным закреплением единственной формы с целевой семантикой — тем не менее по существу независимы друг от друга. Такая ситуация не вполне укладывается в рамки традиционной модели словоизменения. Как обсуждается выше для агульского языка, в арчинской верификативной форме есть две позиции для выражения видо-временных категорий, относящихся к двум разным ситуациям — ситуации (L), обозначаемой лексическим глаголом, и ситуации «верификации» истинности лексической ситуации (V). В верификативной форме содержится, таким образом, две предикативные единицы, каждая из которых может иметь — и чаще имеет — разную временную соотносительность. Например, выше в предложении (33) проверяемая ситуация, по-видимому, относится к «сверхпрошлому», предшествующему моменту в прошлом, к которому относится собственно предикация верификации. В многочисленных примерах, где лексический глагол имеет форму, совпадающую с имперфективной основой, ситуация L имеет референцию к будущему времени: например, (1) и (32); или к «будущем в прошедшем», последующему по отношению к моменту времени, с которым соотносена верификация: например, (40), (41). Возможно, это связано с тем, что временная соотносительность ситуации L задается относительно временной соотносительности ситуации V, а так как целевая семантика инфинитива предполагает соотносительность с будущим временем, L в конечном итоге также соотносено с моментом времени в будущем.

Наличие в семантической структуре верификативной формы двух ситуаций особенно отчетливо проявляется в следующем сконструированном примере, где императив, как это ему и свойственно, соотнесен с моментом речи, а ситуация, истинность которой проверяется, отнесена к прошлому и имеет собственный временной модификатор (ср. примеры (12) и (13) выше для агульского языка).

(43) лексическая ситуация в сфере действия наречия (элиситация)

un to-w-mu s:anvi c'a-bo-li edi-r-k:w-a
 ты.ERG тот-1-ERG вчера пить-1V.PF-CVB 4.AUX.PST-INTRG-VERIF-IMP
 'А ты проверь, вчера он выпивал или нет.'

Приведенный пример интересен еще и по другой причине. Кроме собственно морфологической структуры формы, сосуществование внутри верификативной формы двух предикаций подтверждается и морфосинтаксически — как и в агульском языке, у верификативных форм появляется (по сравнению с лексическим глаголом) валентность на новый агентивный аргумент — субъект верификации, кодируемый эргативом. Примеров такого рода в текстах нет, но их допустимость без колебаний подтверждается носителями; вот еще один пример такого рода:

(44) агенс при верификативе (элиситация)

tu-w-mu ba^ʕk' bu-l'u-r-k:u-qi zari
 тот-1-ERG баран 3-резать-1PF.INTRG-VERIF-FUT я.ERG
 'Я проверю, зарежет ли он барана.'

Одна из возможных интерпретаций этой морфосинтаксической ситуации — считать верификатив актантной деривацией (такое решение обсуждалось и в работе Майсак, Мерданова 2004). Если принимать такую трактовку, верификатив напоминает слабограмматикализованные каузативы — показательно кодирование обоих агентивных участников в примере (44) эргативным падежом и наличие двух позиций для видо-временного маркирования. Важнее, однако, то, что, в отличие от каузатива, верификатив следует описывать не как сложное событие, состоящие из двух подсобытий (которые могут быть более или менее интегрированы в единое событие), а как единственное событие, которое состоит в поиске ответа на вопрос о наличии другой ситуации (или о неизвестном параметре этой ситуации). Это подтверждается связью верификатива со структурой косвенного вопроса, а также сочетаемостью с неглагольными предикациями, например, с междометием *hu* 'да':

(45) верификатив от неглагольных предикативных единиц (новые тексты)

ʕoloqabi-til-ʕaj s:ak'u ba-sa-r-ši hu-ru-k:u-s,
 молодежь-PL-ERG в.карауле 4-держат-1PF-CVB да-INTRG-VERIF-INF
hu-kul-li-t:ik maʕni osdi-muxur to-t ʕem-n-a
 да-NMLZ-OBL-SUPER-LAT смысл 4.стоять.PF-CVB.SEQ тот-4 время-OBL-IN
ʕol-li-s dur-b-a-r-ši e<b>di-li
 деревня-OBL-DAT распространять-3-делать-1PF-CVB <HPL>AUX.PST-EVID

'... молодежь караулила, чтобы узнать, так ли это; когда убедились, что это так, разнесли (эту новость) по деревне...'

Мы предлагаем считать показатель верификатива в арчинском языке предикативным элементом, потерявшим морфологическую автономность (ставшим неотделимым от формы лексического глагола) и потерявшим связь с источником грамматикализации

(о котором смотри ниже), но частично сохранившим морфосинтаксическую независимость (собственный аргумент, собственный, хотя и ограниченный набор грамматических категорий). Иными словами, это клитика, полностью утратившая просодическую самостоятельность, но грамматическая интеграция которой если и начата, то по крайней мере не завершена. (Аналогичные свойства характерны для арчинского показателя квотатива, грамматикализовавшегося из глагола речи.)

Раз показатель верификатива ведет себя как полуавтономная единица, естественно ставить вопрос об источнике его грамматикализации. Этот источник называется уже в работе Кибрик 1977 — частный, но любопытный факт, характеризующий научное наследие А. Е. Кибрика, если учесть то, что грамматики того времени не уделяли практически никакого внимания вопросам лексических источников показателей грамматических категорий. Как и в большинстве агульских диалектов, верификатив грамматикализуется из глагола ‘видеть’, арч. =*ak:u-* (ср. формы верификатива и глагола ‘видеть’ в Таблице 2). Связь со значением зрительного восприятия ощущается и самими носителями: в большинстве случаев форма верификатива переводится ими с использованием русского глагола *смотреть* (хотя в одном случае мы получили примечательный комментарий: предложенный нашим консультантом перевод приведенного выше примера (43) выглядел как *Ты посмотри, он вчера выпил или нет*, но переводчик сразу добавил, что «*посмотри там нету слова вообще-то*»). Глагол =*ak:u-* ‘видеть’ имеет начальную позицию классного согласования, которая в верификативных формах у его «потомка», показателя *-k:u-*, отсутствует. Но в конструкциях с косвенным вопросом матричный предикат согласуется по дефолтному четвертому классу, который имеет нулевой показатель, так что отсутствие форм с согласовательным показателем не может считаться формальным признаком грамматикализации. Формально утрата автономности выражается, таким образом, только в том, что на стыке формы лексического глагола и глагола ‘видеть’ происходят obligatory вокалические изменения: последовательность из двух гласных может упрощаться до одного (46в, г) или устраняться целиком (46а); оставшийся гласный может уподобляться гласному верификативного показателя (46б).

(46) зафиксированные формальные изменения на стыке словоформ:

а. <i>do-χo-r-k:u-s</i> { <i>*do-χo-r-a↔ak:u-s</i> }	б. <i>u-w-l-lu-k:u-s</i> { <i>*u-w-li-ra↔ak:u-s</i> }
2.найти-IPF.INTRG-VERIF-INF	делать.PF-4-EVID-INTRG-VERIF-INF
в. <i>eχ:u-l-la-k:u-s</i> { <i>*eχ:u-li-ra↔ak:u-s</i> }	г. <i>hu-ru-k:u-s</i> { <i>*hu-ra↔ak:u-s</i> }
4.остаться.PF-EVID-INTRG-VERIF-INF	да-INTRG-VERIF-INF

Фонетическое расхождение между глаголом =*ak:u-* ‘видеть’ и показателем верификатива *-k:u-* настолько невелико (по сравнению с представленными выше агульскими данными), что для арчинского языка данная гипотеза вряд ли нуждается в особом обосновании. Тем не менее приведем еще два косвенных доказательства. В текстах, опубликованных А. Дирром (1908), формы верификатива записаны с гласным *a*: в (30) форма, переданная в современном варианте как *eχ:ot'urk:us*, в исходном тексте Дирра передается как *eχ:ot'arak:us*. Можно считать, что это фонетическое изменение отражает процесс постепенной морфологизации верификатива; впрочем, гласный *a* в данном случае не может быть однозначно отнесен к именно к показателю верификатива (*eχ:o-t'a-ra-ak:u-s*) — столь же оправдано его формальное отнесение к вопросительной частице (полная форма *-ra*; тогда *eχ:o-t'a-ra-k:u-s* и показатель верификатива имеет современную форму). Пожалуй, более важно то, что в текстах Дирра находится пример, где автономный глагол =*ak:u-* ‘видеть’ выражает значение, сопоставимое с функцией верификатива:

- (47) описательное выражение верификативного значения (Дирр 1908: 105)

mala nasrut:in-ni-s l'an et:i-li ħal b-ak:u-s

Молла Насреддин-OBL-DAT хотеть 4.статья.PF-EVID правда 3-видеть-INF

‘Молла Насреддин захотел проверить, правда ли это (букв. узнать/увидеть правду).’ (Перевод у Дирра: ‘Мулла Насреддин лично хотел убедиться в правдивости того, что люди говорят об этом’.)

Конечно, это не та конструкция, из которой, предположительно, происходит грамматикализация верификатива (здесь нет подчиненного глаголу ‘видеть’ глагола, обозначающего проверяемую ситуацию, а эргативный «проверяющий» отсутствует вовсе), но семантический сдвиг в зону «проверяемости» или «узнаваемости» бесспорен. Кроме того, внешний синтаксис конструкции вполне соответствует синтаксическим предпочтениям верификатива — инфинитив, подчиненный матричному, в данном случае модальному, предикату.

Примеров, подобных (47), в современных текстах нам не встретилось. Но есть многочисленные примеры, в которых инфинитив от глагола ‘видеть’ в целевых конструкциях или, реже, с глаголами движения выражает ситуацию контролируемого зрительного восприятия:

- (48) ‘видеть’ в значении ‘смотреть’ (корпус 1977)

os iq-n-a w-erq'u-li w-erq'u-li w-erq'u-li

один день-OBL-IN 1-идти.PF-EVID 1-идти.PF-EVID 1-идти-PF.EVID

jamu bošor dunil ak:u-s bo-li

тот.1 человек мир 4.видеть-INF сказать.PF-CVB

‘Однажды этот мужчина пошел, пошел, пошел, чтобы мир посмотреть.’

Примеры, в которых экспериенциальный глагол =*ak:u-* ‘видеть’ переходит в агентивный глагол ‘смотреть’, важны потому, что показывают, откуда у этого глагола может возникать наблюдаемый в верификативе эргативный аргумент (роль «проверяющего»). Тем не менее, следует признать, что в тех контекстах, в которых этот глагол имеет значение, близкое к ‘смотреть’, в корпусе он всегда выступает в инфинитиве; в арчинском языке есть агентивный глагол *sa(=)k:u* ‘смотреть’, который если и связан с глаголом =*ak:u* ‘видеть’, то только исторически. Но в одной форме =*ak:u* все-таки сочетается с агенсом, хотя здесь имеет место уже совсем нерегулярный сдвиг — форма =*ak:u* значит не ‘(у)видь’, а ‘покажи’, и эргатив оформляет агенс (адресат императива):

- (49) императив от ‘видеть’ в значении ‘покажи’ (корпус 1977)

b-ak:u-a bo-li do:z-ši a(b)t'u-l-la bo-li

3-видеть-IMP сказать.PF-EVID быть.большим-ADV <3>резать.PF-EVID-INTRG сказать.PF-EVID

‘Покажи, сильно ли порезала, — сказал.’

- (50) императив от ‘видеть’ с эргативным агенсом (элиситация)

pat'imat-li d-ak:u-a

Патимат-ERG 2-видеть-IMP

‘Пусть Патимат ее покажет.’

Наконец, в связи с грамматикализацией арчинского глагола ‘видеть’ следует отметить еще один факт. Вероятно, конструкция с глаголом ‘видеть’, послужившая источником верификативных форм, была лексикализована в арчинском глаголе =*irk:us* ‘искать; найти’ (← =*i-ra* =*ak:us* ‘есть ли, видеть (→проверять)'). Как и у верификативных форм, у этого глагола имеется агентивный аргумент в эргативе (51).

(51) ‘искать; найти’ (новые тексты)

t:i irk:u bec':u-qi žu-n pet:uq', χ:azina jašul b-i-t.u-t,
 кто.ERG 4.искать.PF мочь.PF-FUT сам-GEN сундук клад внутри 3-есть-ATR-4

to-t adam-li-s s:utka-li-n χan-kul lo-qi bo-li
 тот-4 человек-OBL-DAT сутки-OBL-GEN хан-NMLZ 4-давать.PF-FUT сказать.PF-EVID

‘Кто сможет найти сундук, где был поставлен клад, того человека на один день сделаю ханом, сказал.’

С другой стороны, в текстах встречается целый ряд примеров, в которых показатель верификатива присоединяет глагол ‘быть’ (связочный) — ср., например, выше (31), а также следующий пример:

(52) верификатив от глагола ‘быть’ (новые тексты)

teb doš:ob oj aču-t:-ib b-i-r-k:u-s
 тот.PL девушка.PL ухо 4.класть.PF-ATR-PL HPL-быть-INTRG-VERIF-INF

hanžit:-ib b-i-r-k:u-s
 какой.ATR-PL HPL-быть-INTRG-VERIF-INF

‘Чтобы узнать, какие те девушки, послушные или нет ...’

Следует ли разграничивать верификативную форму бытийного глагола и формы глагола ‘искать’? Иными словами — существует ли вообще в арчинском языке лексическая единица =irk:us со значением ‘искать’? Ясно, что семантическая спецификация или сдвиг имеет место: ‘узнать, есть ли’ → ‘узнать, где находится’; так, в последнем примере, так же как и в примере (31) выше, верификатив бытийного глагола не может интерпретироваться как выражающий значение ‘искать’. Если судить по переводам текстов, носители не осознают связь между глаголом =irk:u- ‘искать’ и глаголом =ak:u- ‘видеть’: в переводах примеров, которые мы считаем вхождением глагола ‘искать’, используется именно русский глагол *искать*, в то время как верификативная форма часто переводится с использованием глагола ‘смотреть’.

Можно ли провести и формальную, морфосинтаксическую границу между этими морфологическими образованиями? По-видимому, да: если верификативная парадигма ограничена несколькими формами, глагол ‘искать’ имеет полную глагольную парадигму. В текстах =irk:u- ‘искать’ встретился в формах императива и аориста (ср. 51), которые носителями для верификатива допускаются, но в текстах не засвидетельствованы (кроме форм, которые мы считаем формами =irk:u- ‘искать’), а также формы незасвидетельствованного прошедшего, причастия и имперфективного конверба, существование которых для верификатива вообще отрицается (ср. Таблицу 2).

В некоторых случаях возможность того или иного анализа определяется морфосинтаксически — например, присутствием в клаузе верифицируемой предикации вопросительного слова, что, по-видимому, исключает интерпретацию ‘искать’ — ср. (53) и (54); эти примеры также показывают, что на чисто семантических основаниях разделить две формы может быть трудно:

(53) верификатив от ‘быть’ в значении ‘искать’ (Микаилов 1969: 161)

abt.u lo danna w-i-r-ku:-s u(r)q^c-ir-ši e(χ)di-li
 отец ребенок где 1-быть-INTRG-VERIF-INF <PF>1.идти-IPF-CVB.IPF <1>AUX.PST-EVID

‘Отец пошел искать сына.’

(54) верификатив от ‘быть’ в значении ‘искать’ (новые тексты)

s:uku-li-t:-ik e(r)χtu-s a-r-u inž-i(r)u a(r)χ^hu-li
 тахта-OBL-SUPER-LAT <2>подниматься-INF сделать-2-PF сам-PTCL.2 <2>спуститься.PF-CVB

χit:a han i-r-k:u-s qec-bo
 тогда что 4.быть-INTRG-VERIF-INF пройтись-LV.PF

‘Подняла ее на тахту, а сама, спустившись, прошла посмотреть, что есть (к чаю).’

Заметим, что в лексикографической практике для агульского языка верификатив от бытийного глагола *a* ‘быть, находиться внутри’ также иногда рассматривается как самостоятельная глагольная лексема. Так, в тезаурусе дагестанских языков (Кибрик, Кодзасов 1988: 66) для говора с. Рича в качестве глагола ‘искать’ без каких-либо комментариев приводится *aǰčugas* (ср. «проверяемый» показатель *-čig-* в этом говоре). В недавнем словаре Рамазанов 2010, опирающемся на говор с. Кураг, в качестве отдельного лексического входа фигурирует *ačiq’as* (*ачукъас*) ‘посмотреть, проверить, убедиться, есть ли, находится ли, имеется ли’. Впрочем, сам элемент *-čiq’-* (*-чукъ-*) автор также вносит в словарь, характеризуя его как «послелог-аффикс сомневательно-выяснительной ф[ормы] гл[агола]».

Подводя итог обсуждению арчинских данных, можно сказать, что арчинский верификатив — это морфологическая категория, возникшая в результате грамматикализации глагола ‘видеть’, уже утратившая морфолого-просодические свойства автономного слова, но сохранившая морфосинтаксические свойства независимого предиката. От лексического источника верификатив отделяет фонетическое изменение (впрочем, довольно слабое — утрата начальной гласной), потеря словесной автономности, семантический сдвиг (‘видеть’ > ‘удостовериться’), появление признака контроля, переосмысление экспериенциального участника как агенса и связанная с этим способность иметь эргативный аргумент. Каждое из этих свойств по отдельности представлено в тех или иных контекстах и у лексического источника. Тем не менее, очевидно, что все они в комплексе являются достаточным основанием для отделения верификатива от глагола ‘видеть’, даже несмотря на то, что носители, по-видимому, ощущают тесную связь между этой категорией и глаголом зрительного восприятия. От собственно морфологической грамматической категории верификатив отделяет предикативная самостоятельность: показатель верификатива вводит собственных участников, имеет независимую временную соотношенность и, хотя и сокращенную, но все же независимую словоизменительную парадигму. Некоторые из этих свойств верификатива напоминают повышающую актантную деривацию; но возможность наличия у верификативной формы нескольких однотипных аргументов с одинаковой семантической ролью и одинаковым оформлением (эргативное оформление агенса лексического глагола и участника-верификатора) и наличие собственных видо-временных категорий (в верификативной форме таким образом оказывается два набора видо-временных показателей), а также независимая временная соотношенность верификативной ситуации и ситуации, обозначаемой лексическим глаголом, отличают верификатив от других, чисто морфологических деривационных категорий. Наиболее продвинутой стадией грамматикализации верификатива обнаруживается в морфологически производном глаголе ‘искать’, вероятно, лексикализовавшемся из верификативной формы бытийного глагола (‘узнать, есть ли’).

4. ВЕРИФИКАТИВ В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Итак, в двух дагестанских языках — арчинском и агульском — были обнаружены морфологические формы со значением ‘проверить, выяснить, имеет ли место ситуация’. При некоторых различиях в исходной структуре (в состав агульского верификатива входят условные формы, а арчинских — вопросительные), в обоих случаях речь идет об общности не только результирующего «проверятельного» значения, но и лежащей в основе синтаксической конструкции. А именно, можно утверждать, что в обоих языках верификатив появился в результате морфологизации зависимой клаузы (выражающей косвенный вопрос) и матричного глагола: в арчинском этот матричный глагол можно уверенно отождествить с глаголом =*ak:us* ‘видеть’, в агульских диалектах представлена более сложная картина, однако по крайней мере в некоторых из них источником также послужил этимологически родственный арчинскому глагол *ag^{wa}* ‘видеть’¹⁰ (в других таким источником является глагол ‘искать; находить’).

Грамматикализация верификатива в арчинском и агульском языках представляет интерес в целом ряде отношений — как с точки зрения внутригенетической типологии нахско-дагестанских языков, так и в рамках общей типологии грамматических изменений. Прежде всего, в общелезгинской — и, шире, общедагестанской перспективе — удивительно наличие подобных конструкций только в двух этих языках, не являющихся близкими родственниками и не находящимися в контакте.

И арчинский, и агульский языки относятся к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи, однако они достаточно удалены друг от друга в общепризнанном на сегодня древе языкового родства. Агульский принадлежит к восточнолезгинской группе, состоящей из трех тесно связанных языков и включающей, кроме агульского, также лезгинский и табасаранский; языки эти расположены компактно в горной (лезгинский также в равнинной) части южного Дагестана и демонстрируют степень родства, приближающегося к «заметно родственному» (о термине см. Бурлак, Старостин 2005: 19). Арчинский язык отделился от пралезгинского, очевидно, одним из первых (раньше — только удинский), в то время как агульский, табасаранский и лезгинский разошлись заметно позднее, см. Коряков 2006: 21. В географическом отношении арчинцы, живущие в Чародинском районе Дагестана, с юго-востока отделены от агульцев Лакским и Кулинским районами, населенными лакцами, а также населенным в основном рутульцами Рутульским районом. При этом в южной части Чародинского района поселения отсутствуют, то есть прямого контакта с рутульцами (также принадлежащими к лезгинской группе) у арчинцев нет. Их традиционные контакты направлены на восток, к лакцам (Кумух), и северо-восток, к аварцам (Цуриб и Гуниб). Агульцы, в свою очередь, едва ли вообще могли (в прошлом) знать о существовании одноаульного арчинского этноса. Ни в одном из языков, связанных с агульским и арчинским географически или по происхождению (аварском, лакском, рутульском, табасаранском, лезгинском, южных даргинских диалектах) аналогов верификатива как морфологической категории нет — как нет их, насколько нам известно, и в других языках нахско-дагестанской семьи. Каким же образом могла возникнуть столь

¹⁰ В «Севернокавказском этимологическом словаре» пралезгинский глагол **ʔak:ʷä-* ‘видеть’ восстанавливается на основе когнатов из большинства лезгинских языков — в арчинском, агульском, лезгинском, рутульском и удинском современные глаголы означают именно ‘видеть’, в табасаранском (и кошанском диалекте агульского) — ‘искать’, в цахурском — ‘показывать’, см. Nikolayev, Starostin 1994: 255—256.

точная структурная параллель между двумя лишь отдаленно родственными и географически взаимно изолированными языками? Гипотезы, которые мы рассматриваем ниже, можно сгруппировать в три типа: происхождение из общего пралезгинского источника, контактное влияние, независимое развитие.

Прежде чем перейти к рассмотрению гипотез о взаимосвязи между агульским и арчинским верификативом (или отсутствию таковой), укажем те черты, которые представляются нам наиболее важными агульско-арчинскими параллелями в эволюции глагола ‘видеть’ — как указывалось выше этот лексический источник является общим по крайней мере для арчинского языка и некоторых агульских диалектов:

семантические сходства

- значение «проверяемости» (выяснения ответа на вопрос)
- смена типа ситуации с менее (‘видеть’) на более контролируруемую (‘выяснить, проверить’)

морфосинтаксические сходства

- переход от характерного для ‘видеть’ дативного к эргативному кодированию субъекта
- наличие двух наборов аргументов — у лексического глагола и у верификативного показателя

морфологические сходства

- морфологизация сочетания зависимой глагольной формы и матричного глагола ‘видеть’ (потеря лексической автономности матричным глаголом)
- наличие двух позиций для видо-временных категорий — у лексического глагола и у верификативного показателя

лексические сходства

- регулярное использование верификатива локативной связки в роли глагола со значением ‘искать’ (‘выяснять, имеется ли’)

Представить себе, что агульский и арчинский верификатив являются реликтами пралезгинского состояния, невозможно. Мало того, что конструкция — насколько известно на сегодняшний день — отсутствует в других языках лезгинской группы, в том числе и близкородственных агульскому; морфологическая структура верификатива в арчинском и некоторых агульских диалектах настолько прозрачна, что предположение о древности конструкции не может считаться допустимым. Кроме того, как было показано в разделе 1, даже в собственно агульском языке верификативная конструкция вряд ли имела праязыковой характер, поскольку не во всех диалектах исходная структура сводима к единому источнику.

Ни о каких систематических контактах арчинцев с агульцами также речи не идет, по крайней мере в обозримом прошлом. Владение агульским языком ни разу не фигурировало в анкетах, собранных в Арчибе в рамках исследования Добрушина 2011; Dobrushina 2013. В опрос были включены не только сами респонденты, но и те их предки — родители и дедушки и бабушки — которых они хорошо помнили. Данные о многоязычии в Арчибе таким образом достаточно надежны по крайней мере для начала XX века, когда среди арчинцев было распространено не только владение аварским, но и в значительной степени утраченное к концу века владение лакским языком. Впрочем, верификативная конструкция засвидетельствована уже А. Дирром на рубеже веков. Об одном арчинце, хорошо знавшем агульский язык, мы также знаем именно от него: Дирр (1908: vi) пишет, что его арчинским переводчиком был арчинец Маго-

медхан Магомедханов — тот же человек, который был консультантом Дирра в его исследованиях по агульскому языку. Дирр называет его «настоящим полиглотом»: «кроме родного, он говорит свободно на лакском, аварском и агульском языках и владеет письменно и устно кумыкским и арабским языками». Данный пример в силу своей исключительности не подвергает сомнению тезис о том, что арчинцы агульского языка не знали. Объяснение столь широкого языкового репертуара предлагает М. Магомедханов, правнук дирровского переводчика (в личном сообщении): тот получил хорошее арабское образование и был муллой в разных селах Дагестана, в том числе у агульцев. Нельзя полностью исключить, что именно Магомедхан Магомедханов явился проводником агульской конструкции в арчинском языке — вообще говоря, социолингвистике очень мало что известно про индивидуальные инновации в малых языковых сообществах. Это бы предполагало, что Магомедхан Магомедханов владел буркиханским диалектом, в котором конструкция прозрачна и не морфологизована, так как в случае непрозрачной конструкции возможно было бы лишь материальное заимствование показателя, но не калька конструкции. К сожалению, у нас нет достоверных данных о том, в каких именно селах или селе побывал этот человек¹¹.

С другой стороны, если мы вообще допускаем такую гипотезу, перед нами открывается широкий простор для исторических спекуляций: до него агульскую конструкцию мог занести любой другой арчинец, который в силу превратностей индивидуальной биографии выучил агульский. Причем произойти это могло и значительно раньше, еще до того, как конструкция морфологизовалась — тогда в качестве источника становятся допустимыми и другие диалекты. С той же степенью доказательности можно предположить, что двести лет назад или ранее у агульцев с арчинцами были постоянные контакты. Таким образом, объяснение через индивидуальную инновацию, в отличие от объяснения через реликтовое совпадение, не являющееся вполне невозможным, все же лежит за пределами научного анализа. По состоянию наших знаний о языковых контактах, эта гипотеза сегодня — а с большой степенью и в будущем — не может быть верифицируема.

Гипотеза о независимом развитии, на первый взгляд, наиболее привлекательна, но она же требует и наиболее тщательного рассмотрения. Использование глагола со значением ‘видеть’ в конструкции со значением проверки или контроля — отнюдь не редкое явление, засвидетельствованное в том числе и в европейских языках: ср. английское *Let's see whether he is right* или французское *Je vais voir s'il a raison*. Так же, как в арчинском и агульском, глагол зрительного восприятия здесь утрачивает свою семантику в сочетании с косвенным вопросом и может обозначать контролируруемую ситуацию. Существенное отличие, однако, заключается в том, что в агульском и арчинском языках произошла морфологизация матричного глагола. При этом в других языках, в том числе в самой широкой типологической перспективе, грамматикализация глагола зрительного восприятия в верификатив вроде бы не засвидетельствована.

Так, «Всемирный лексикон грамматикализации» (Heine, Kuteva 2002) фиксирует для значения ‘видеть’ развитие в пассив или аллатив (для глагола ‘смотреть’ случаи грамматикализации не фиксируются). Следует отметить, что «Лексикон» составлен на базе разнородных источников и не претендует на полноту охвата материала, —

¹¹ Известно, что Магомедхан Магомедханов также работал депутатом Казикумухского окружного суда; в описываемый период к Казикумухскому округу относились как Арчиб, так и Буркихан (большинство других агульских сел входили в Кюринский округ).

но никаких аналогов не было выявлено и в результате запроса, отправленного в типологическую рассылку LINGTYP, и в ходе последовавшей за ним дискуссии¹². Все ответы были более или менее четко связаны с грамматикализацией 'видеть' в значение попытки ('пробовать, пытаться сделать') — *конатив*.

Действительно, недавний обзор Voinov 2013 показывает, что развитие в конатив для глагола 'видеть' типологически довольно характерно. Оно распространено в алтайских, засвидетельствовано также в некоторых индо-арийских, тибето-бирманских, папуасских и африканских языках. По мнению автора, семантический переход происходит в данном случае за счет метафорического использования глагола зрительного восприятия для передачи значения контроля над действием: «зрительное восприятие объекта уравнивается в нашем сознании с физической манипуляцией данным объектом». Процесс грамматикализации 'видеть' > 'пытаться' включает осмысление события как объекта, а также семантическую генерализацию, в результате которой собственно «зрительный» компонент утрачивается, ср. предлагаемый автором путь: 'восприятие объекта при помощи глаз' > 'манипуляция над объектом при помощи глаз' > 'манипуляция над объектом' > 'манипуляция над действием' (Voinov 2013: 75).

В агульском и арчинском языках верификативные формы выражают совершенно иное значение — не попытка осуществления (конатив связывает две ситуации и в этом больше похож на каузатив — см. выше), а выяснение ответа на вопрос (контроль истинности или отождествление неизвестного параметра ситуации). Параллель к конативу состоит в том, что в ходе грамматикализации описываемая ситуация смещается от экспериенциальной к агентивной, а также в том, что и верификатив, и конатив имеют более или менее выраженный ирреальный (не фактивный) компонент.

Семантическая дистанция между верификативным и конативным значениями при этом не непреодолима. Выражение попытки при помощи верификативной конструкции возможно в специальном случае, когда в сфере действия верификативного оператора находится предикат возможности (как правило, выражаемый в лезгинских языках глаголом 'быть, стать' с зависимой клаузой в инфинитиве). Ср. выше пример (21) из буркиханского говора, в котором 'попытайтесь задержать его' выражено как «посмотрите/выясните, сможете ли задержать». Иными словами, конативное значение может «складываться» из комбинации верификативного оператора и оператора возможности: в этом случае повеление 'попытайся сделать' передается как косвенный речевой акт 'проверь, можешь ли сделать'. Выражение значения попытки глаголом 'видеть' «при посредстве» модальности возможности отмечалось и ранее, в том числе для английского языка: глагол *see* может означать 'попытаться' только в конструкции с зависимым косвенным вопросом, субъектом второго лица и модальным глаголом *can* (ср. фразы типа *See if you can do this today*, синонимичную *Try to do this today*).

Несмотря на параллель с точки зрения агентивности и ирреальности ситуации и возможные контекстные сближения, конатив и верификатив передают существенно различные значения. Но если явные типологические параллели отсутствуют (что, в частности, делает малопривлекательной и гипотезу о случайном совпадении — если случайно, почему в одной семье?), развитие из общего пралезгинского источника невероятно (речь явно идет об относительно недавней и более или менее прозрачной грамматикализации), а контактная гипотеза остается гипотетической и малоправдо-

¹² Мы благодарны всем участникам дискуссии, в т. ч. К. Ажежу, П. М. Аркадьеву, А. Купу, А. Мюллеру, Ф. Планку, Дж. Фаркарсону, А. Франсуа и др., за высказанные замечания и предложения.

подобной, как можно объяснить параллельное возникновение верификатива в двух близких, но не контактирующих; родственных, но достаточно давно разошедшихся языках?

Одно объяснение, кажущееся нам достойным анализа, является своего рода комбинацией трех предыдущих — наличие в языках этой семьи и/или ареала некоего фона, из которого с той или иной степенью типологической вероятности может «выкристаллизовываться» верификатив как морфологическая категория. Действительно, по предварительным данным, во многих языках обнаруживается конструкция, в которой, как и в арчинском примере (47) выше, глагол зрительного восприятия употребляется в связи с выражением значения «проверяемости». Однако и такое внешне привлекательное и методологически компромиссное — апеллирующие одновременно и к общесемейному, и к ареальному, и к типологическому фону — решение оставляет несколько важных вопросов открытыми.

Типологически агентивизации/транзитивизация глаголов зрительного восприятия ('смотреть' или 'видеть') не кажется уникальной — ср. выше примеры из европейских языков. Однако в агульском и в арчинском верификатив развивается из глагола 'видеть', имеющего особую, непереходную (дативную) рамку. Агентивизация глагола получает морфосинтаксическую поддержку (дативный экспериенцер сменяется эргативным агенсом-верификатором). Такое развитие сопровождается потерей автономности. Насколько нам известно на сегодняшний день, ни одно из этих свойств не отмечается в других дагестанских языках — по имеющимся данным, то же значение в них обслуживает исходно агентивный глагол 'смотреть' или сложная переходная конструкция, рамка глагола остается неизменной и потери автономности не происходит.

При этом нельзя сказать, что сама по себе морфологизация глаголов более характерна для арчинского и агульского, чем для других языков ареала. Глагол речи, грамматикализующийся в этих языках в цитативную клитику, демонстрирует сходное развитие и во многих других языках семьи. Заметим, что на вопрос о причинах морфологизации не отвечает и контактная гипотеза — даже если конструкция с агентивным развитием для 'видеть' и была заимствована в один из языков из другого или, что теоретически тоже нельзя исключить, из какого-то третьего языка — почему именно в агульском и в арчинском она претерпела морфологизацию?

О степени типологической распространенности сопутствующего рассматриваемому лексическому сдвигу морфосинтаксического изменения падежной рамки трудно судить в первую очередь потому, что в языках, в которых глагол 'видеть' является переходным (как эргативных — например, в баскском, так и аккумулятивных — например, в английском) падежная рамка исходно неотличима от агентивной. Для того, чтобы ответить на интересующий нас вопрос, необходимы данные по языкам, в которых глагол 'видеть' не является переходным (имеет особое экспериенциальное оформление).

Одно предположение, которое мы можем выдвинуть в связи с генезисом верификатива на данный момент — это предположение о возможной корреляции между морфологизацией глагола 'видеть' (утратой автономности и разрушением связи с глаголом-источником) и меной падежной рамки. Приписать агенсу-верификатору «положенное» ему семантически агентивное оформление оказываются в состоянии только те языки, в которых связь между глаголом 'видеть' в исходном значении и в верификативной конструкции утрачена в ходе морфологизации. Проверить это предположение можно привлечением более широких типологических данных из языков других семей, в которых для экспериенциальных глаголов используется особая рамка. Кроме того, в той

же связи было бы интересно проверить этимологию глагола 'искать' в других языках нахско-дагестанской семьи (и в типологической перспективе) на предмет возможной связи с глаголом зрительного восприятия. Что касается гипотезы, которая выдвигает на первый план роль потенциальных языковых контактов, скорее всего она так и останется спекулятивной; маловероятно, что в будущем мы получим новые сведения о ранней истории региона или об (относительно недавней) этнической истории арчинцев и их возможных контактов с агульцами.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано выше, описанное А. Е. Кибриком «узнавательно-целевое деепричастие» (см. Кибрик 1977) является представителем целого семейства «проверятельных» форм, включающих по крайней мере инфинитив, императив и будущее (для некоторых носителей также аорист) и образующих таким образом очевидную параллель «проверятельным» формам агульского языка, впервые описанным в работе Майсак, Мерданова 2004. Сходство этих форм, называемых выше верификативными, прослеживается последовательно в их морфологической структуре, в их морфосинтаксисе и в особенностях их функционирования. И в арчинском языке, и в тех агульских диалектах, где происхождение верификатива не вызывает сомнений, он является результатом грамматикализации глагола 'видеть'. В обоих языках он сохраняет частичную предикативную самостоятельность (собственные аргументы и адьюнкты, собственный набор видо-временных показателей). В обоих языках бывший дативный экспериенцер сменяется эргативным агенсом-верификатором, что прозрачно связано с агентивизацией значения ('увидеть' > 'проверить, выяснить'). В обоих языках верификатив тяготеет к зоне ирреалиса (императив, будущее время, инфинитив, причем в арчинском последняя форма явно предпочтительна), что можно объяснять семантикой верификации — то, что подлежит проверке, с точки зрения говорящего не может вполне относиться к реальному миру. В обоих языках верификатив демонстрирует связь с конструкцией косвенного вопроса (кондиционал в агульском, вопросительная частица в арчинском). В обоих языках значение 'искать' может быть отождествлено с локативной связкой в форме верификатива. Отличия сводятся в первую очередь к тому, что в арчинском языке морфологизация гораздо более поверхностна (верификатив можно фактически считать клитизованным предикатом — бывшим глаголом 'видеть' с новым значением и новой падежной рамкой), в то время как в разных агульских диалектах источник грамматикализации может быть в той или иной степени затемнен (в предельном случае — неизвестен).

Показательно, насколько наше понимание природы грамматической категории одного языка может быть расширено подключением данных другого языка, родственного первому. Арчинская грамматика лишь фиксирует существование особой «узнавательно-целевой» формы; наличие в арчинском языке других верификативных форм, допустимость эргативного участника и другие свидетельства «предикативной автономности» арчинского верификатива были установлены только в ходе целенаправленного анализа, инициированного сопоставлением с агульским языком. Это отчасти перекликается с идеями А. Е. Кибрика о плодотворности внутригенетической типологии, см. Kibrik 1998; Кибрик 2003.

Данный путь грамматикализации глагола 'видеть' — как и сама морфологическая категория верификатива — насколько нам известно, не засвидетельствован в дру-

гих языках мира. При этом, несмотря на то, что арчинский и агульский языки являются относительно близкородственными (принадлежат к одной ветви нахско-дагестанской семьи), а лексические источники грамматикализации в обоих языках (для агульского — по крайней мере в части диалектов) восходят к одной и той же пралезгинской лексеме, как это ни удивительно, мы не можем связать эти развития между собой напрямую — ни исторически, ни ареально. Действительно, аналогичные формы отсутствуют в языках, «промежуточных» между агульским и арчинском языком с точки зрения генеалогической или географической близости.

Теоретически возможное объяснение вновь относится к сфере внутригенетической типологии — в некоторых других языках Дагестана значение верификации может передаваться различными конструкциями с глаголом зрительного восприятия (в том числе, по предварительным сведениям, в аварском, лакском, рутульском языках; как и, например, в языках «среднеевропейского стандарта»), и верификатив в арчинском и агульском мог развиваться из одной из таких конструкций. Трудность здесь заключается в том, что наиболее яркая черта агульского и арчинского верификативов — это появление у бывшего дативного глагола 'видеть' переходной рамки; такие примеры морфосинтаксического сдвига в других языках нам неизвестны. Возможно, это связано как раз с потерей глаголом 'видеть' морфологической автономности и следующим из этого ослаблением связи с глаголом-источником. В любом случае, проверка и обоснование этой гипотезы требует дальнейшего исследования функционирования глагола 'видеть' в нахско-дагестанских языках и особенностей его грамматикализации в тех языках мира, которые используют для глаголов зрительного восприятия неканоническую (непереходную) падежную рамку.

Обозначения

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов в агульских примерах отделяются точкой. Знак «=» используется для указания на границу с клитикой (в арчинских леммах в тексте также позицию классного согласования). Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (номинатив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив, темпоралис). 1, 2, 3, 4, NPI, NPI — обозначения именных согласовательных категорий в арчинском.

ADD — аддитивная частица; ADV — наречный показатель; AOR — аорист; APUD — локализация 'возле'; ATR — атрибутивизатор; AUX — вспомогательный глагол; CIT — пересказывательность; COND — условная форма глагола; COP — связка; CVB — деепричастие; CVB.LOC — местное деепричастие; CVB.SEQ — деепричастие следования; DAT — датив; DEMM — демонстратив m-серии; DEMG — демонстратив g-серии; DEMT — демонстратив t-серии; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EVID — косвенная засвидетельствованность; FUT — основа будущего времени; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация 'внутри'; INCL — инклюзив; INF — инфинитив; INTRG — вопросительность; IPF — основа несовершенного вида; JUSS — юссив; LAT — латив; LV — легкий (делексикализированный) глагол; MILD — мягкое повеление; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; OBL — показатель косвенной основы; PF — основа совершенного вида; PL — множественное число;

POST — локализация ‘сзади’; PRF — перфект/результатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — причастие; PTCL — частица; PT:HAV — хабитуальное причастие; PT:PRS — презентное причастие; QUOT — цитирование; S — субстантиватор; SUPER — локализация ‘сверху’; TERM — терминативная форма глагола (‘до того как’); TMR — темпоральная форма имени; UP — направление ‘вверх’; VERIF — верификатив.

Литература

- Бурлак С. А., Старостин С. А. 2005. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Academia.
- Дирр А. М. 1907. Агульский язык. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис.
- Дирр А. М. 1908. Арчинский язык. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIX. Тифлис.
- Добрушина Н. Р. 2011. Многоязычие в Дагестане конца 19 — начала 21-го века: попытка количественной оценки. Вопросы языкознания, № 4. С. 61–80.
- Инджил: Лукайин Китаб Месигь Инсайихъас Идже Хабар. 2005. М.: Институт перевода Библии.
- Кибрик А. Е. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. М.: МГУ.
- Кибрик А. Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1988. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С. 1977. Арчинский язык: тексты и словари. М.: МГУ.
- Коряков Ю. Б. 2006. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим.
- Магомедов А. А. 1970. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. 2004. «Проверяемая форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении. Ландер Ю. А. и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. С. 430–455.
- Мерданова С. Р. 2004. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М.: Советский писатель.
- Микаилов К. Ш. 1967. Арчинский язык. Грамматический очерк с текстами и словарем. Махачкала: ИИЯЛ.
- Рамазанов М. Р. 2010. Агульско-русский словарь. Махачкала: Логос.
- Dobrushina N. R. 2013. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan. Journal of sociolinguistics. Vol. 17, № 3. P. 376–393.
- Heine B., Kuteva T. 2002. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik A. 1998. Does intragenetic typology make sense? Boeder W. et al. (eds.). Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert. Band 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen: Gunter Narr Verlag. P. 61–68.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. 1994. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk.
- Voinov V. 2013. ‘Seeing’ is ‘trying’: The relation of visual perception to attemptive modality in the world’s languages. Language and Cognition. Vol. 5, № 1. P. 61–80.